

A woman with her hair in a bun, wearing a vibrant red sleeveless dress, is seated at a black grand piano. She is captured in profile, looking down at the keys as if playing. The scene is set in a grand, dimly lit room with large windows in the background, through which soft light filters. The atmosphere is warm and intimate, enhanced by several bright, multi-pointed starburst light effects scattered throughout the image. The overall color palette is dominated by the red of the dress and the golden-brown tones of the room's lighting.

Сыграй на струнах

моей души

Лана Мэй

Лана Мэй

Сыграй на струнах моей души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70384795

SelfPub; 2024

Аннотация

Амадея, девушка с необычным именем и потрясающим талантом извлекать музыку из чёрно-белых клавиш и лечить ею души, никогда не общалась с хмурым гитаристом Вадимом. Точнее, это он с ней ни разу не общался. Он вообще обычно где-то на своей волне. Но что, если их сведёт случай? Сможет ли она показать парню всю красоту музыки и преодолеть барьер, который разделял их долгие годы?

Лана Мэй

Сыграй на струнах моей души

Стояла промозглая осень. По крышам тарабанил дождь, бежали куда-то люди под разноцветными зонтиками, в лужах отражалось низкое свинцовое небо. Высокое советское здание одиноко стояло посреди мокрой городской улицы. На нём висела невзрачная табличка: «Дом Культуры им. ...», имени кого, уже и не вспомнить, стёрлось за долгие годы.

Внутри лениво читала газету старая согбенная охранница, если можно её так назвать: она и себя-то обезопасить вряд ли сможет, куда уж целое здание...

Массивная дверь скрипнула, и с улицы потянуло мокрым холодом. На пороге клуба возникла тощая высокая девушка в белом плаще и кремовом берете. Наспех закрыв строгий чёрный зонт, она подбежала к старушке:

– День добрый, Лариса Степановна!

– Здравствуй, Маденька. Что-то ты сегодня рано, они ещё с обеда не вернулись.

– Ничего, я подожду. Зал открыт?

– Да. Иди-иди, поиграй, а я послушаю, если можно, – ласково разрешила старушка.

Девушка ей широко улыбнулась и убежала в зал. Темно-

та и спёртый воздух мешались с запахом древесины. Девушка нащупала выключатели, поочерёдно их подняла: зал наполнился тёплым светом электрических ламп и яркими лучами прожекторов. В воздухе летали мелкие частицы пыли. Хрупкая фигурка скользнула в дверь с надписью «Гримёрка» и стянула берет: по тощим плечикам тут же рассыпались длинные прямые волосы светло-русого цвета. Пальто скоро тоже беспомощно повисло на рогатой чёрной вешалке. Пора репетировать.

Амадея, так звали юную гостью просторного зала. Пятнадцати лет от роду, она прекрасно играла на фортепиано и хорошо пела. В музыкальной школе девушка была одной из лучших, и часто выступала на всероссийских и международных конкурсах. Никто не разбирался в энциклопедии человеческих чувств так же хорошо, как она. Одним вальсом или мазуркой школьница могла найти ключ к сердцу любого, пусть и самого притязательного, зрителя. Амадея несла любовь каждому, кто слушал её безупречную игру.

Сегодня она вышла на сцену единственного в маленьком городке Дома Культуры, чтобы отрепетировать номер, который должна показать на ближайшем празднике. Девушка села за глянцевый рояль, который величаво стоял посередине, и немного поёрзала на стуле. Тонкие длинные пальцы бегло перебирали чёрно-белые клавиши – отстукивали песню увядающей листвы. Эта печальная песня заполнила собой весь зал, будто жаркими лучами солнца, сошедшего вдруг на зем-

лю среди пурги. В дверях показалась старушка-охранница. Она с ласковой улыбкой смотрела на то, как школьница делает этот день ярче своей безупречной, жизнелюбивой игрой.

Амадея не отвлекалась. Пальцы упорно бегали по клавишам, сливаясь воедино со звуком её собственного сердца. Они будто пели в унисон, даруя юной душе настроение праздника, в этот самый момент, на скрипучей большой сцене.

И только прозвучали последние аккорды, как рядом со старушкой возник темноволосый хилый юноша с чёлкой на бок и гитарой за спиной. Он безучастно дослушал и с безразличным лицом прошёлся вдоль рядов. Старушка, от греха подальше, тихо вернулась на свой пост. Амадея заметила парня, и радушно ему улыбнулась:

– Привет, Вадим!

– Ты ещё долго? Мне репетировать надо, – без особых эмоций ответил парень.

Девушка обиженно посмотрела в его карие глаза:

– Я только пришла, вообще-то. Но, если хочешь, могу подождать. Кстати, где твоя группа? Не будешь же ты один выступать?

– А может, буду..., – огрызнулся Вадим. – Ты здесь лишняя, иди в свою музыкалку играй.

– Но я состою в кружке Дома культуры. Сам знаешь.

– И?

– Слушай, давай не будем ссориться. Подожди немного, я

отыграю пару раз и освобожу сцену.

Парень недовольно свёл брови, но согласно кивнул и уселся в одно из зрительских кресел. Девушка тепло ему улыбнулась и начала играть. Эмоции полностью её захлестнули, отчего лицо напряглось, а длинные волосы разметались по тощей спине. Вадим смотрел на Амадею, как удав на кролика. Он деловито скрестил на груди руки и слушал, пока по залу вдруг не разлетелось «Перемен, требуют наши сердца...». Парень выудил из кармана джинсов телефон и махнул Амадее, попросив её прервать репетицию. Девушка опустила руки и отвернулась, чтобы не подслушивать чужие разговоры. Вадим несколько раз выругался в трубку, а потом обратился к ней:

– Моих сегодня не будет. Развлекаться уехали... без меня.

– Ты... не переживай, – мягко начала Амадея, – Они скоро вернутся.

– Даже не предупредили..., – ворчал себе под нос юноша. – Вернутся, куда денутся! Один порепетирую. Сдались они мне! Уступи место...

Вадим вскочил, вытащил из чехла гитару и запрыгнул на сцену. Амадея возразить ему не смогла, только понуро прикрыла крышку рояля, встала и ушла в пустой зал. Она села рядом с местом, где только что был парень.

Не обращая на неё внимания, Вадим подключил электрогитару и стал играть. Звуки были рваные, резкие, словно ножом по сердцу. В его игре Амадея услышала столько боли,

что ей захотелось подойти и обнять бедного запутавшегося в себе юношу. Мозолистые пальцы перебирали струны, нажимая на душевные раны. Казалось, вот-вот гитара заплачет вместо своего владельца. Когда рок-мелодия дошла до кульминации, чёрный медиатор в руке парня дрогнул и упал на пол. Вадим продолжал стоять, склонив голову так, что косая чёлка закрыла лицо. И вдруг Амадея с изумлением заметила, как по его острому подбородку стекают слёзы, капая на блестящий корпус гитары.

Ничего не говоря, девушка влетела на сцену, села за рояль, и принялась играть самую согревающую душу мелодию, которая только пришла ей на ум в эту минуту. Зал наполнился мелодичным звучанием чёрно-белых клавиш. Тонкие пальцы летали по клавиатуре, а лицо излучало бесконечную нежность и спокойствие. И чем дольше она играла, тем красивей становились мелизмы: они летали от трели к форшлагу, внушая Амадее уверенность в собственных силах. Никогда ещё девушка не была настолько поглощена своей игрой ради чего-то большего, чем какой-нибудь конкурс или развлечение публики.

И тут она услышала гитару. Лёгкая струнная импровизация органично переплеталась с мелодией рояля. Девушка не оборачивалась, продолжая играть так, чтобы трепетало сердце. Она точно знала, что позади пела не гитара, а истерзанная душа её ровесника. В этом наигрыше было столько горечи и невыносимой тоски, что Амадее захотелось растворить его

страдания в своей игре. Симфония чувств растянула свои мускулистые руки, опутала собой зал. По её пульсирующим венам бежала настоящая музыка, та, что открывает сердца, лечит души и вызывает улыбки на лицах людей.

Они играли долго, слаженно, полностью отдаваясь этому священному таинству. В дверях начали собираться работники клуба, что недавно вернулись с обеда. Они с вытянутыми от удивления лицами взирали на двух отрешённых от мира подростков, которые с упоением наслаждались моментом совместного творчества.

Когда парочка, наконец, закончила, раздались гулкие аплодисменты. Амадея и Вадим с изумлением глянули в сторону двери: знакомые лица улыбались, хлопали, а кто-то даже присвистнул. В зал протиснулся поджарый бородатый мужчина в строгом костюмчике:

– Ребята, я так рад, что вы наконец подружились! А номер у вас получился замечательный, хоть сейчас на сцену! Ну как, уважите старика? Сыграете на концерте дуэтом?

Амадея с улыбкой посмотрела на Вадима: юноша уже не плакал, он хмурился. Ему явно не доставляло удовольствия такое внимание со стороны работников клуба. Девушка ещё раз ободряюще ему улыбнулась, отчего его взгляд стал немного мягче.

– Посмотрим, – снисходительно ответил парень, не отводя глаз от Амадеи. – Это была импровизация. А там, как пойдёт...

Группа поддержки у дверей обрадовалась и начала осыпать парочку музыкантов одобрительными возгласами. Директор клуба просиял:

– Вот и договорились. С вашими талантами до концерта точно управитесь. Пойдём мы, не будем вас отвлекать.

Мужчина вытолкал подчинённых из зала и прикрыл за собой двери. На сцене остались лишь музыканты. Вадим сжал гриф гитары и вскинул голову к потолку. Амадея тоже посмотрела вверх: над ними мерно покачивались крохотные микрофоны на шнурах, и бил в глаза свет нескольких прожекторов. Когда ребята вновь встретились взглядами, девушка сказала:

– Спасибо. Давно уже я не чувствовала такого заряда энергии. Из нас и правда вышел неплохой дуэт.

– Не говори гоп, – криво улыбнулся Вадим, – Но...и тебе...спасибо. Я смог выплеснуть свои эмоции не на словах. Ты показала мне, что так можно. И это по-настоящему круто!

Юноша ласково взглянул на свою гитару и провёл жилистой рукой по тугим струнам. Амадея ему, как обычно, тепло улыбнулась в ответ. Тогда он как-то неоднозначно на неё посмотрел из-под густой чёлки, и спросил:

– Почему у тебя имя такое...странное?

– Мои родители музыканты. Они познакомились, когда играли в дуэте Моцарта. Решили увековечить этот счастливый момент с помощью дочери, – рассмеялась девушка.

– А мне нравится. Необычно, – признался ей юноша, и его привычно опущенные уголки губ поползли вверх, изображая на депрессивном лице подобие улыбки.

Амадея снова положила руки на клавиатуру, обернулась к юноше, и сказала:

– Начнём репетировать? Времени осталось не так много.

– Погнали!

В такт дивной мелодии, что родилась на глазах любопытных зрителей, бились два юных сердца. Такие разные, но такие похожие. И с каждым аккордом композиция звучала всё лучше, живее, изящнее. Словно они оба возрождались из пепла под аккомпанемент тяжёлых капель дождя.